

На днях состоялись в «Театре Революции» гастроли известного трагика Н. П. Россова. Его спектакли, проходившие в типично-халтурной обстановке, в антураже, поражающем своим убожеством, невольно возвращают нас к печальной и поучительной истории сценической жизни Россова.

Этот «бездумный друг Шекспира», вечный скиталец по российским Тетюшам, этот романтик, до самозабвения увлеченный классическим репертуаром,—явление совершенно исключительное. Пролетарий по происхождению, подручный слесаря железнодорожных мастерских г. Воронежа—по профессии, Россов силой необычайного влечения к искусству сумел выбиться из нищеты и пробиться на сцену. Нужно было обладать действительно неиссякаемым запасом энергии и воли для того, чтобы, несмотря на органический недостаток речи (заканье — следствие страшного удара по голове, полученного Россовым от мастера железнодорожных мастерских) и на отсутствие систематического образования, не говоря уже о тех социальных условиях, в которые он был поставлен, завоевать себе положение в театре. Он завоевал его после продолжительной борьбы. Его дебют в 1889 г. принес ему горькое разочарование. Россова приняла в свою группу Е. Н. Горева. Юноша, уже и тогда знавший на зубок «Гамлета», «Уриель Акосту», «Кина» и проч., и проч., не смог, однако, произнести ни слова из порученной ему для первого выхода ничтожной роли. А в 1890 году Россов в Пензе буквально вымолил у антрепренера дебют в «Гамлете». Все приготовились к скандалу. Но, совершенно неожиданно, Россов имел исключительный успех. И это был, кажется, единственный случай в истории русской сцены, когда **выходной актер** выступил в роли мирового репертуара. После пензенских успехов и триумфов в других провинциальных городах Россов попадает в петербургский театр Суворина, где его гастроли восторженно принимаются публикой, а в критике встречаются ожесточенные нападки.

В дальнейшем сценическая карьера Россова складывается более чем странно: на ряду с полосами полного признания и поистине стихийного успеха, он переживает периоды столь же стихийных провалов и издевательств печати. Но это

не в силах заставить Россова отойти от классического репертуара. Самоучкой овладев английским и французским языками, он переводит ряд пьес Шекспира и Гюго; изучает театр Шиллера и готовит 34 роли трагедийного тона. Среди них— «Принц датский», «Отелло», «Тир», «Дон-Карлос», Карл («Разбойники»), «Кин», «Ромео». Всю жизнь мечтая о таком составе труппы, в котором действительно можно было бы ставить классиков, Россов на всегда остается обреченным провинциальному скитальничеству по медвежьим уголкам, где играет в самых невозможных условиях среди актеров, с глубочайшим презрением относящихся к чудачествам этого «маниака Россова».

Н. П. Россов пишет в защиту классического репертуара множество статей. Он страстно нападает на засилье в театре литературщины и будничности. Неприимный враг репертуара, понижающего тонус актерского лафоса и вдохновения, он всем своим сценическим творчеством утверждает старую мочаловскую традицию. И если бы сам Россов обладал тем вдохновенным темпераментом, которым когда-то потрясал его великий предшественник, в его лице мы действительно имели бы нового Мочалова. Но, тонко чувствующий мир образов романтического театра, Россов никогда не обладал той внутренней дисциплиной творчества, которая находит темпераменту четкую и яркую оправу. И поэтому, на ряду со вспышками подлинного вдохновения, в его исполнении отмечались моменты очень бледного сценического рисунка. Его техника была ниже его понимания роли. Но глубокое проникновение в дух романтики, чрезвычайно искренний лиризм, всегда звучащий в нем, и самозабвенное увлечение высокими образами трагедии, заставляли забывать о недостатках его мастерства и о капризах его мало организованной, всегда стихийно-буштарско-построенной артистической патуры.

Его сценическая судьба, в сущности, глубоко печальна. Почти 35 лет жизни он отдал театру, и, единственный из русских актеров, он создал 34 роли классического репертуара! Но романтиком вступил он юношей на подмостки провинциального театра, и страшной романтической фигурой продолжает он казаться в театре современности.

ЮРИЙ СОБОЛЕВ.